

мнениями (*l'échange* и *échanger*), а также выявить новые факты, связанные с мировоззрением, культурой собеседника. Другими словами, во французском понимании культуру разделяют: *les mots à charge culturelle partagée* [4, p. 50].

Во французском социуме идея совместного использования реализуется по-разному. К упомянутому феномену *le covoiturage* можно добавить *l'espace partagé* и *les jardins partagés* 'общие сады (досл. *разделенные сады*)'. Суть последних сводится к тому, что эти сады разрабатываются, обрабатываются совместно жителями и авторами проекта, что способствует обмену мнениями, знаниями и умениями («favorise la rencontre de tous types de public, le partage d'expériences et l'échange de savoirs-faire», «apprendre le faire ensemble et le vivre ensemble: créer des lieux animés et vivants» [5]).

В заключение хотелось бы отметить, что идея совместного использования вполне понятна, поскольку мы ежедневно «делимся» такими общими ресурсами, как воздух, вода, природа, территория. Кроме этого, общеизвестны идеи разделения знаний, мыслей путем обмена через Интернет (социальные сети типа Твиттера, Фейсбука и т.д.), что способствует обмену мыслями и планами по достижению единой общей цели: в этом случае говорят о переходе «de l'intelligence individuelle à l'intelligence collective».

ЛИТЕРАТУРА

1. Partager [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.cnrtl.fr/definition/partager>. – Date of access : 13.08.2017.
2. Définition de partager [Electronic resource]. – Mode of access : <http://lesdefinitions.fr/partager#ixzz4m2jCxm4q>. – Date of access : 13.08.2017.
3. *Debrenne, M.* Le dictionnaire des associations verbales du français et ses applications [Electronic resource] / M. Debrenne // Variétés, variations et forme. – Ecole Polytechnique, 2011. – Mode of access : <http://dictaverf.nsu.ru/ru>. – Date of access : 03.09.2017.
4. *Galisson, R.* La pragmatique lexiculturelle pour accéder autrement, à une autre culture, par un autre lexique [Electronic resource] / R. Galisson // Melanges CRAPEL. – № 25. – P. 47–73. – Mode of access : http://atilf.fr/IMG/pdf/melanges/06_galisson.pdf. – Date of access : 13.06.2017.
5. Le concept des jardins partagés [Electronic resource]. – Mode of access : <http://librojardin.fr/qui-sommes-nous/le-concept-des-jardins-partages>. – Date of access : 13.08.2017.

Л. А. Тарасевич (Минск, Беларусь)

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ ПРОСТРАНСТВА

Пространственный опыт человека находит отражение в языках как на лексическом, так и на грамматическом уровне. Пространство, в отличие от временных и причинно-следственных связей, дано человеку в непосред-

венном чувственном восприятии, оно составляет «среду обитания», вне которой человек не мыслится. Основным каналом, через который человек получает информацию о пространстве, является зрение. Естественно предположить, что именно зрительный опыт человека подлежит вербализации в первую очередь. Другими словами, человек должен описывать пространство так, как он его видит. Отсюда следует и другой вывод о том, что в разных языках представление пространственных свойств окружающей действительности должно быть достаточно сходным в силу единства психофизиологической организации человека как биологического организма. Данный вывод подтверждается наличием таких языковых универсалий, связанных с пространством, как средства локального дейксиса, средства для обозначения движения, трехмерности по антропоморфному принципу с выделением осей «верх – низ», «спереди – сзади» и др. Однако наблюдения за фактами самых разных языков показывают, что в семантике языковых единиц представлены результаты не только и не столько зрительного, сколько деятельностного опыта человека, который, существенно отличаясь в разных культурах, предопределяет различия в членении пространства с помощью языка. Так, насколько известно, все языки мира обладают средствами для указания на ближнюю и удаленную область пространства относительно говорящего (например, рус. *здесь/там*, нем. *hier/dort*, туркмен. *ol/bu, şu*, турец. *burada/şurada*). При этом степень детальности членения этих областей оказывается разной. Известным примером является наличие в немецком языке локального дейктика *da*, который может указывать как на ближнюю область, так и на дальнюю, и в зависимости от контекста выступать эквивалентом для русских дейктиков *здесь* и *там*.

Примером еще более подробного членения дейктических областей является туркменский язык. В этом языке на ближнюю область, обозначаемую в русском языке местоименным наречием *здесь*, указывают две языковые единицы – *bu* и *şu*, разница между которыми заключается в том, что *şu* обозначает, по сравнению с *bu*, более близкую область. Кроме этого, обе единицы склоняются по падежам, и в зависимости от падежной формы обозначают особое отношение области указания к говорящему: область воображаемого пространства (*Marçak obasy gonsy obalaryn biri bolup, ol derýany beýleki owgan obalaryny bilen payalasyar; olaryn aralygy altmys-yetmis adimden kop dal we seýlelikde biz bu ýerde, siz bolsa – ol ýerde* ‘Село Марчак является одним из соседних сел, которые делят эту реку с афганскими селами, расстояние между ними не больше шестисот-семисот шагов, и выходит, что мы тут, а вы – там’), область воспринимаемого пространства с какими-либо объективными свойствами (*Soňra, derýanyň güýçli akyma seredip, yenede pikirlendi: «Bu ýer mümkin, oncakly şuň däl»* ‘Потом, глядя на бурное течение реки, подумала еще: «Здесь не так и глубоко, должно быть...»’), область воспринимаемого пространства, свойства которого связаны с субъективными ощущениями (*Bu ýeri örän sowuk.* ‘Здесь очень холодно’).

Часто специфика семантики локативных единиц обнаруживается лишь при сопоставлении языков, когда буквальный перевод тех или иных выражений оказывается невозможным в силу особенностей значения переводных эквивалентов. Так, например, в русском языке глагол *мчат* со значением ‘быстро перемещать что-либо’ отличается неочевидным семантическим свойством: он предполагает особый характер перемещаемого объекта (ср. *мчат ручку, чашку), что обуславливает ограничения на сочетаемость данного глагола с именами разных объектов. В это же время в персидском языке семантика коррелирующих глаголов *به سرعت بردن* *бе сорат бордан* и *سرعت آوردن* *бе сорат авардан* не накладывает ограничений на имя перемещаемого объекта. Межъязыковая асимметрия – наличие в персидском языке двух переводных соответствий у одного русского глагола – обусловлена тем, что для рассматриваемого языка оказывается обязательной передача информации о направлении перемещения относительно говорящего: приближение (*амадан*) или удаление (*бордан*).

Исследование своеобразия членения пространства в разных языках является актуальной, активно разрабатываемой и далеко еще не решенной задачей, которая должна включать в себя не только выявление семантических особенностей коррелирующих языковых единиц для обозначения пространства в разных языках. Картина национальной специфики языковой репрезентации пространства оказывается далеко не полной без учета функциональных свойств локативных единиц. По-видимому, разным типам информации о пространстве в разных языках присуща различная степень обязательности выражения в коммуникации. Исследование текстов в параллельных корпусах показывает, что пространственные картины в произведениях на языке-источнике и языке-цели существенно отличаются между собой несмотря на заданность пространственной конфигурации в исходном языке и наличие соответствующих переводных эквивалентов в языке-цели. Например, немецкий язык отличается обязательностью пространственной привязки коммуникативной ситуации к говорящему путем употребления дейктика *da*, которая не присутствует в таком виде в русском языке: из репрезентативной выборки в 538 контекстов с *da* из параллельного корпуса Национального корпуса русского языка, в котором представлены как переводы с немецкого языка на русский, так и переводы с русского языка на немецкий, в 322 контекстах, т.е. почти в 60 % случаев, данная языковая единица отсутствует в параллельной части. Другими словами, при переводе с немецкого языка на русский *da* регулярно опускается, а при переводе с русского языка на немецкий, наоборот, добавляется. Сходная картина наблюдается и с другими коррелирующими локативными единицами: дейктиками, предлогами, союзами, функционирование которых отличается даже в близкородственных языках. Возникает закономерный вопрос о факторах, влияющих на функциональные свойства этих единиц. Их установление должно стать важной вехой на пути выявления национальной специфики языковой картины мира.